

ЗАСЕЛЕНИЕ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В ЗОНЕ КОЛЫВАНО-КУЗНЕЦКОЙ УКРЕПЛЕННОЙ ЛИНИИ (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Бояринцева К.Е., Барнаул (Россия)

*Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского
научного фонда № 26-28-20225*

Аннотация. *Статья посвящена анализу процесса заселения юга Западной Сибири и этнокультурных взаимодействий в зоне Колывано-Кузнецкой укрепленной линии в XVIII – первой половине XIX вв. На основе исторических источников и научной литературы автором обосновывается тезис о том, что укрепленная линия представляла собой не просто военный рубеж, а трансграничное пространство, в рамках которого военные, хозяйственные и межэтнические процессы развивались в тесной взаимосвязи. В статье рассматриваются этапы формирования линии, ее поселенческая структура и полиэтнический состав населения. На основе анализа населенных пунктов выделены три модели освоения: прилинейные поселения, залинейные легальные и залинейные самовольные. Установлено, что наиболее тесные этнокультурные контакты сложились у русского населения с кумандинцами (совместное проживание в одних селах, экономический обмен) и казаками в Прииртышье (взаимное влияние в хозяйстве, языке и быту, смешанные браки). Сделан вывод, что Колывано-Кузнецкая линия стала не барьером, а зоной межэтнического взаимодействия, результатом которого стало формирование локальной культуры, сохранившей свою память до наших дней.*

Ключевые слова: *юг Западной Сибири, Колывано-Кузнецкая укрепленная линия, трансграничное пространство, прилинейные поселения, залинейные поселения*

SETTLEMENT OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA AND ETHNOCULTURAL RELATIONS IN THE AREA OF THE KOLYVAN-KUZNETSK FORTIFIED LINE (XVIII – THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY)

Boyarintseva X.E., Barnaul (Russia)

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the settlement process in the south of Western Siberia and ethnocultural interactions in the Kolyvan-Kuznetsk fortified line in the XVIII – first half of the XIX centuries. Based on historical sources and scientific literature, the author substantiates the thesis that the fortified line was not just a military frontier, but a cross-border space within which military, economic and interethnic processes developed in close interrelation. The article examines the stages of the*

formation of the line, its settlement structure and the multiethnic composition of the population. Based on the analysis of settlements, three development models are identified: linear settlements, linear legal settlements, and linear unauthorized settlements. It has been established that the closest ethnocultural contacts have developed among the Russian population with the Kumandins (living together in the same villages, economic exchange) and the Kazakhs in the Irtysh region (mutual influence in economy, language and everyday life, mixed marriages). It is concluded that the Kolyvan-Kuznetsk line has become not a barrier, but a zone of interethnic interaction, which resulted in the formation of a local culture that has preserved its memory to the present day.

Keywords: south of Western Siberia, Kolyvan-Kuznetsk fortified line, cross-border space, near linear settlements, beyond linear settlements

Процесс заселения юга Западной Сибири и этнокультурные взаимодействия, складывавшиеся в зоне Колывано-Кузнецкой укрепленной линии в XVIII – первой половине XIX века являются демонстрацией сложного процесса. В рамках данной статьи, рассмотрен тезис о том, что линия была не просто военным рубежом, а представляла собой трансграничное пространство, в рамках которого военные, хозяйственные и межэтнические процессы развивались в тесной взаимосвязи.

Утверждение Колыванской линии, которая пролегла от Иртыша через Усть-Каменогорскую крепость, по предгорьям Алтая до Бийска, состоялось вышедшим в 1747 г. указом. Позднее, в 1768 г. была оформлена Кузнецкая линия, и образовался единый комплекс почти в 800 км. К концу XVIII века на линии насчитывалось 37 укрепленных объектов: крепости, форпосты, редуты и маяки. Однако уже с самого начала она выполняла не только оборонительную функцию, но и стала основой новой поселенческой сети и инструментом хозяйственного освоения региона [10, с. 233; 4, 2023, с. 75–76].

Формирование населения в зоне линии носило ярко выраженный полиэтнический характер. Прежде всего, здесь селились казаки – русские, украинцы, татары, башкиры. Однако наиболее многочисленным и демографически значимым потоком стали ссыльнопоселенцы и так называемые «польские» поселенцы – потомки русских крестьян, бежавших в Речь Посполитую. В 1766 г. их массово вывели в Сибирь, где они основали ряд деревень, включая Старо-Алейскую и Петропавловскую. Важно отметить и роль старообрядцев. С 1755 г. Алтай становится местом ссылки старообрядцев из Стародубья и Ветки. Именно они составили ядро тех, кто осмеливался селиться за официальной линией [2, с. 96–97; 6, с. 202–203].

Особого внимания заслуживает вопрос о социальном статусе переселенцев. В 1747 г. Колывано-Воскресенские заводы перешли в ведение Кабинета Его Императорского Величества. Уже в 1747 г. к заводам были приписаны Белоярская и Малышевская слободы, Бикатунская крепость и Бирской острог. Затем последовали указы 1759 и 1761 гг., которые приписали к заводам практически всех крестьян Томского и Кузнецкого уездов. К 1763 году III ревизия зафиксировала в ведении заводов свыше 39 тысяч ревизских душ приписных крестьян. Это означало, что многие поселенцы становились не свободными земледельцами, а приписными крестьянами, обязанными отрабатывать заводские повинности. Несмотря на это, вольная крестьянская колонизация продолжалась. В период между III и IV ревизиями на территории, подведомственной заводам, возникло 242 новых населенных пункта. Крестьян привлекало сочетание обилия свободных земель и благоприятных для земледелия и скотоводства природных условий [2, с. 67, 70].

Анализ конкретных населенных пунктов, проведенный в рамках исследования, позволил выделить несколько моделей освоения:

1) Прилинейные поселения. Классическим примером является село Староалейское, основанное в 1749 г. (1766 г. – заселено) непосредственно у Алейского форпоста. Жители таких селений несли военно-пограничную службу либо обслуживали гарнизоны [11, с. 48; 3, с. 108–109].

2) Залинейные легальные поселения, возникавшие по инициативе самих крестьян за пределами официальной линии. Яркий пример – с. Петропавловское, основанное в 1777 г. выходцами из Староалейского. Жители сохраняли старую веру и вели самостоятельное хозяйство. Именно отсюда в начале XIX века инициировали освоение земель, что привело к основанию села Алтайского. На территории современного Петропавловского района участок Колывано-Кузнецкой линии был представлен Антоньевским форпостом (упоминается с 1770 г.) и Николаевским маяком (основан в 1757 г.) [1].

3) Залинейные самовольные. Среди таких поселений – с. Куяган, основанное в 1825 г. Инициаторами его создания выступили крестьяне Касмалинской волости Матвей Панов и Евдоким Пятков. Основной целью переселения являлось пчеловодство и звериный промысел. Примечательно, что в полутора верстах от места основания села находились юрты кузнецких татар. Это показывает, что русские переселенцы осваивали территории, уже имевшие коренное население. Особый интерес представляет модель с. Алтайское (первоначально Верх-Каменка), впервые упоминающегося в 1808 г. Его особенность

состоит в том, что изначально оформленное как самовольное заливное поселение, оно преодолело путь к заливной легальной. В 1822 г. Высочайшим указом была утверждена Алтайская волость, и село стало волостным центром. Интерес представляет и полиэтническая составляющая. С самого основания здесь совместно проживали русские крестьяне-старообрядцы и кумандинцы. В ревизской сказке того времени зафиксированы семья крестьянина Зиновьева и три семьи ясашных татар [7, с. 14–16].

В целом, наиболее тесные контакты с русским населением сложились именно у кумандинцев – северной группы алтайцев. Уже в 1782 г. в Нижнекумандинской волости насчитывалось 69 оседлых кумандинцев мужского пола, а к 1795 году – 87. Они жили не просто по соседству, а в одних населенных пунктах с русскими: в селах Солтон, Смоленском, деревнях Шубенской, Чесноковской, Буланихе. Экономическое взаимодействие включало обмен продуктами, совместное использование угодий. Русские распространяли пашенное земледелие, кумандинцы делились знаниями о природной среде [5, с. 53–58; 9, с. 198–203].

Важно подчеркнуть, что этнокультурные контакты в зоне линии не ограничивались взаимодействием русских с алтайцами. На южных участках Сибирских линий, в Прииртышье, складывались интенсивные русско-казахские связи. Как отмечают исследователи, казаки перенимали у казахов элементы хозяйства: табунное коневодство, использование верблюдов, выпас скота «по-киргизски». Широкое распространение получили смешанные браки. Сибирский историк Г.Н. Потанин писал, что «почти все население (казачье) говорит киргизским (казахским) языком. Для многих – это колыбельный язык». Казахи, в свою очередь, перенимали у русских элементы оседлого быта, земледельческие орудия. Развивалась меновая, а затем и денежная торговля. Таким образом, линия становилась не барьером, а зоной взаимного культурного обмена [8].

Таким образом, Колывано-Кузнецкая укрепленная линия сыграла ключевую роль в заселении юга Западной Сибири. Она стала не только военным барьером, но и пространством, где переплелись миграционные потоки казаков, ссыльных, старообрядцев, «польских» поселенцев и коренных народов. На примере различных поселений – от прилинейных форпостов до самовольных заливных деревень – мы видим разные модели освоения. Включение алтайцев, кумандинцев и казахов в российское подданство, их переход к оседлости и совместное проживание с русскими крестьянами создали локальную культуру, память о которой сохраняется в этих селах до настоящего времени.

Литература

1. *Белозерских Л. В.* 230 лет со времени основания села Петропавловское Петропавловского района // Алтайский край, 2007 г.: календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул, 2006. С. 75–77.
2. *Булыгин Ю. С.* Первые крестьяне на Алтае. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1974. 144 с.
3. *Васильева С. С.* 250 лет со времени основания с. Староалейское – административного центра Третьяковского района // Алтайский край, 2016 г.: календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул: ПринтЭкспресс, 2015. С. 108–110.
4. *Горелов Ю. П., Ростов Н. Д.* «Сибирский укрепрайон» в истории дореволюционной России // Известия Лаборатории древних технологий. №19(3 (48)). 2023. С. 74–87. DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-74-87
5. *Каралькин П. И.* Кумандинцы (по материалам Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии АН СССР) // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1953. Т. XVIII. С. 53–58.
6. *Муратова С. Р.* Сибирские укрепленные линии XVIII века: дис. ... канд. ист. Наук. Уфа, 2007. 241 с.
7. *Падалкина О. В.* Алтайский район в исследованиях, очерках, путевых заметках // В предгорьях Алтая. Очерки истории и культуры. Барнаул-Алтайское, 1998. С. 14–32.
8. *Потанин Г. Н.* Сибирские казаки // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, географическом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. XI. Очерк VI. СПб., 1884. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-673/> (дата обращения 07.06.2026)
9. *Потапов Л. П.* Народы Южной Сибири. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство. 1953. 192 с.
10. *Прибыткова А. М.* Кузнецкая крепость // История СССР. № 1. 1975. С. 231–241.
11. *Сергеев А. Д.* Тайны алтайских крепостей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1975. 78 с.